

НА БЕЛОРУССКОЙ ПЛОЩАДИ

Серый день. Серый дождь. Серая Москва. Серые куртки милиции – их так много, что они на мгновение заслоняют всё: видны только силуэты милиционеров – толпа служивых на выходе из метро, и дальше по периметру площади ломаной линией оцепление в два ряда – будто идёт игра, и малыш нетвёрдой рукой выставляет солдатиков на поле боя.

– Вы чё, ребята, – удивляется вёрткий мужичок в замурзанной меховой шапке, – вы чё, стариков боитесь?! Чё вас сюда столько понагнали?!

Серые не отвечают, серые заняты делом: у входа на площадь несколько «рамок» – четырёхугольных конструкций для поиска металлических предметов. Потом, после митинга, эти рамки деловито грузили в машину, и они были похожи на гробы... Тут же, на столике, милиция потрошит сумки – на предмет оружия и взрывчатых веществ.

В центре площади – серый памятник Максиму Горькому. Пролетарский писатель хмур – с раннего утра снег с дождём, слякоть, морось, холод, стынь – и никуда не двинешься, даже не пошевельнёшься – ни на минуту, ни на секунду... А толпа вокруг памятника – чёрная. Это глубокие пенсионеры в немарких дешёвых одеждах – пальтишках, куртках, попадаются даже доперестроечные шубы из искусственного меха – нету им сносу. Чёрная, жалкая толпа, кучка «бывшего народа» – чёрная стая невеликих перелётных птиц. Не тех, которые двигаются в «дальние края», а тех, что с «места на место»... А на голове Максима Горького – серая птица. Привокзальный голубь.

Чёрная кучка – тысяча, ну, может, полторы тысячи человек, дополнительно окружена серой милицией. Здесь же милицейские грузовики – их не меньше десятка – с внушительной надписью: «Люди». За грузовиками ровными, дисциплинированными рядами выстроились автобусы ОМОНа. Беспорядков не предвидится – здесь, на площади, серых больше, чем чёрных. Организованная их сила – внушительна.

А чёрная, согбенная и полубеззубая толпа украшена красными флагами. Свежий яркий кумач рвёт глаз, празднично расцветчивает мокрое небо. Митинг разрешён властями – коммунисты протестуют против отмены льгот. Особого задора, впрочем, не чувствуется – почему-то не пришли партийные лидеры, нет и редакторов оппозиционных газет, не видать и бородатых монархистов с хоругвями. Только бабушка-одиночка всё ходит и ходит между толпой и серыми губами, прижимая к груди картонку с изображением Богородицы, что-то шепчет, твердит.

Бравые речи, усиленные громкоговорителями, летят с агитационного грузовика в толпу. Мысли короткие и неразвитые: «Правительство – в отставку! Думу – в роспуск! Президент – предатель! Власть – трудовому народу!» Ведёт митинг энергичный сухой мужик в кроличьем рябом треухе. Он особенно боевит, резок. Но среди чёрных не чувствуется особой сплочённости и даже внимания – все понимают, что за крамольные речи ораторы не пострадают. Для того и разрешили митинг, чтобы наиболее буйные поорали, «стравили пар», нормализовали давление народного недовольства. «Вокруг нашей коммунистической ленинской партии сплотимся!» – заклинает очередной оратор. Толпа вяло гудит по привычке, по инерции. Все устали от слов, хотят дела. Даже в этот промозглый размытый серый день видно клубление наиболее активных – они хаотично движутся, будто не находят себе места в толпе, будто ищут, кто поведёт их на штурм и на подвиг. Но тщетно – лидера, чудесного и неизвестного чудо-богатыря или хотя бы истерично-одержимого кликуши – нет.

А есть только горькие разговоры на периферии митинга. Мальчонка лет 16-ти рассуждает с большим знанием дела о Стабилизационном фонде: политинформация предназначена слетевшимся на его убежденный голосок бабушкам. Тонкий, высокий лимоновец (волосы собраны в хвостик, на рукаве нацболовская повязка) торгует партийной газетой: «Купите! Пять рублей всего!» Пегий старик толкует с дедом в коричневой солдатской шинели времён Советской армии: «А я за двести пятьдесят километров сюда приехал!.. – А что нам остается, трудовому народу?! Только борьба!»

Но где он, этот трудовой народ? Внимание митинга, может, ещё и потому рассеянно, что выше красных знамен, выше памятника пролетарскому писателю в сером небе самыми яркими красками пестрит огромный щит – телеэкран с рекламой. Картинки сменяют одна другую: презентация нового казино – золотые монеты из рога изобилия преобразуются в огромный золотой доллар, а вот сюжет об отдыхе в Европе – горные лыжи, румяные щёки, белозубые улыбки здоровых, беззаботных людей, и следом – показ элитной недвижимости в Подмосковье, простор дорогих и благородных апартаментов, тепло камина, прирученного огня... Вдруг выплывает внушительный призыв (строгими буквами): «Берегите природу!» Желтогрудая пичужка смешно и беспомощно открывает клювик – по закону положено давать и социальную рекламу. Всё просчитано: трогательные, безобидные синицы должны радовать глаз повелителей жизни после выигрыша в казино или в ходе прогулки по заповедным частным гектарам.

А что же жалкая чёрная толпа с красными тряпками, которая ниже щита, ниже памятника пролетарскому писателю, ниже отборного омовского оцепления?! Она сама во всём виновата! Разве жизнь на телещите не ярче, не привлекательней серого дня, серой Москвы, серой милиции, серого быта? Разве у каждого из живущих нет (или не было) права стать богатым?! Есть хозяева и есть слуги, последних – всегда больше, и чаяния «трудового народа» тут не при чём: если у человека психология холуя, служителя, челяди или слабая воля, энергетика, интеллект – пусть пеняет на себя или на Бога. Тут, в дикой конкуренции жизни, не до ближних и даже не до спасения собственной души – тебя, слугу или хозяина, ценят по тому, что ты сделал для мировой утробы: сколько заработал, купил, потратил, сколько вложил себя в эту бездонную пустоту.

Но митинг, будто не понимает установленного миропорядка – пошумливает. Протестует. Как будто дело происходит не в центре Москвы, а на обочине третьего мира, в каком-нибудь Зимбабве, где ещё тлеют в чёрных кудрявых головах иллюзии «братства».

Безумство храбрых... Или сумасшедших. Неадекватных, как принято теперь говорить в СМИ. Кстати, телевизионщики давно уехали. Пятнадцать минут побегали по холоду, сняли «картинку» – наиболее страшных старух, самодельный плакат: «Верните льготы народу, ироды!», – да и ускакали. Есть дела поважней: урвать где-нибудь «джинсу» (скрытую рекламу то есть), срубить на этом «бабло» (деньги), тут же просадить их в супердорогом кабаке или ещё где... Это – жизнь, а мёрзнуть под серым дождём с бесполезными лозунгами – прозябание.

Холодно, хоть и ветра нет. Но уже пошёл второй час митинга – под серым дождём, серым сигаретным дымком – а сильно ли им согреешься?! В чёрной старческой толпе особняком держится группа молодежи – человек 25–30. Лица их снизу, до глаз закрыты красными косынками, на высоких древках реют ало-чёрные флаги – на полотнищах лик революционера Че. У мальчишек – молодые глаза, всем им, наверное, не больше восемнадцати. Лидер чегеваровцев постарше, лицо его открыто, он без шапки, и короткие волосы его давно уже мокрые. Видно, что он замёрз – изредка он трёт руками давно уже покрасневшие и распухшие уши. Пробивается к агитационному грузовику с опущенными бортами, что-то машет организатору – мужику в кроличьем рябом треухе. Наконец чегеваровцу дают слово:

– Товарищи! Против нас начали гражданскую войну! Банда садистов захватила Кремль. Правительственная шайка борется пока с провинцией, но через год доберётся до Москвы. Если мы будем молчать – нас уничтожат! Давайте скажем твердое «нет» антинародным реформам! Я не призываю перекрывать улицы или устраивать беспорядки. Но путь – пошумели и разошлись – выгоден сегодня властям. Давайте не будем расходиться после митинга, а вместе, организованно двинемся в общественную приёмную президента с петицией, где изложены наши конституционные требования. Мы не нарушаем закон. Это – наше право! Пусть знают!

«Пусть знают! Пусть знают!» – скандирует горластая молодежь, притопывая грубыми ботинками на толстой подошве. Трепещут их чёрно-красные стяги, и, кажется, будто бородастый Че тоже что-то говорит. Народ оживлённо шумит: «Молодцы, ребята!» Только пролетарскому писателю Максиму Горькому ничего нельзя сказать, вымолвить. Свесил серую грустную голову. Молчит.

И снова привычными, накатанными речами пытаются взбудоражить ораторы замерзающую толпу. Но митинг устал, заходил, задвигался, кое-кто побрёл прочь – главные слова уже сказаны. Ведущий громко, рубленными фразами, каждая из которых начинается «Мы требуем...» зачитывает резолюцию, обличая подлый режим. «Кто «за»?» Белые ладони старых людей поднимаются к небу. «Оформление – флаги, лозунги – прошу сдать в "Газель". До новых боёв, товарищи!» – бодро вещает партиец, и военный марш звучит из динамиков. «Но от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее...». Чёрное войско слабым ручьём течёт к метро. В окружении серого ОМОНа, тоже замёрзшего, хлюпающего носами.

Флаги свернуты. Только чегеваровцы машут своими стягами и скандируют: «Пусть знают! Пусть знают!» Довольно внушительная толпа сочувствующих окружает молодежь, и вся процессия, складно выкрикивая: «По-зор влас-тям! Ре-во-лю-ци-я!» – медленно, в тройном кольце оцепления, движется по площади. Серые куртки теснят митингующих к входу в метро, и здесь, уже на тротуаре, толпа разворачивается и делает несколько шагов вдоль здания Белорусского вокзала. Тотчас молодежь блокируется ОМОНОм. Серые куртки

отсекли чекеваровцев от стариков. Заминка, крики людей. Видно, как лидер молодёжи что-то серьёзно объясняет милиционеру прапорщику. У того – совершенно непроницаемое лицо, как у серых безжизненных статуй из Музея современного искусства.

Чекеваровцы дисциплинированно ждут. Какие грустные глаза у Молодого – высокого симпатичного юноши, который стоит рядом с лидером. Нижняя часть его лица закрыта красной косынкой, но карие глаза – живые, блестящие, в которых быстро меняется выражение – сколько в них боли, смущения, мужества и страдания! Вдруг, на мгновение, кажется, что эти глаза – больше серого неба, что они – главнее этого митинга, главнее красных флагов с Че Геварой, и даже сильнее щита с надоевшей телерекламой!.. Всё внимание – вольное или невольное – приковано к этим красивым, всё понимающим и всё прощающим глазам. Но это длится только мгновение.

«Пустите детей! Как вам не стыдно! – кричат старики милиции. – Они имеют право идти по тротуару куда хотят!» Невесть откуда появился мужичок с потрёпанной гармошкой, примостился на картонный ящик. Вместе с ним беззубая подруга – в деревенском платке, затёртой плюшке. Мужичок здорово играет на гармошке, а поют они вместе, задорно:

«...Боевой 18-й год». К ним подтягиваются сочувствующие – такие же бедные и сирые. Но поют слаженно, голоса молодые и высокие. В основном репертуар Гражданской и Великой Отечественной. Борьба и песня воодушевляют. А чекеваровцы время от времени скандируют: «Сво-бо-ду! Сво-бо-ду!» Но ОМОН стоит твёрдо и никуда не собирается их пускать.

Площадь кишит милицией. Ни одна машина с табличкой «Люди», ни один спецавтобус со шторками не сдвинулись с места. Все они – против кучки манифестантов с Че Геварой. Против небритых юнцов и беззубых стариков. Против немодных песен и гармошки. Против неуместного упрямства. Против общего чувства, которое витает сейчас над протестующими – пострадать или даже умереть за правду. Потому что больше так жить нельзя – съедобной молекулой, а не человеком. Горбатая душа должна распрямиться – хоть на миг, хоть на один час в жизни!..

– А этим всё по фигу, – горько замечает вёрткий мужичок в замурзанной меховой шапке, тот, что удивлялся обилию милиции. Он кивает на роскошную свадебную процессию новых русских, которая прокатилась по площади. Уродливо длинный белый лимузин с обручальными кольцами наверху – в такой машине, наверное, можно разместить не одну, а целых две кровати для новобрачных. За главным автомобилем целая кавалькада дорогих иномарок – в цветах и лентах.

«Да, им всё по фигу, – грустно подтверждают глаза Молодого. – Ну, что же...» Нет больших страстей. Нет больших потрясений. Нет большого народа. Только страна всё ещё большая. Или нам это кажется? Она уже дожирается мировым желудком. Остались только крошечные островки – здесь, на Белорусской площади, и на «площадях Ленина» в кое-каких городах... Над головами милиции и чекеваровцев, едва не задевая флаги, тяжело и медленно, как гружёные бомбардировщики, пролетели сытые вокзальные голуби. Буревестники нынешней революции...

– Смотри, троцкисты чудят, – это два интеллигента средних лет, с бородками, в заношенных джинсах, стоят чуть в стороне, курят.

– Да брось, хорошие ребята. Видно же по лицам.

– Они-то хорошие. А за ними кто? Главари не светятся. Ребятишек бросили в костёр – под шумок благого революционного дела остатки страны развалить.

– Ты ещё, Влад, скажи: Путин – гарант стабильности.

– И скажу! У нас же народ элементарного не понимает. Сколько его не учи – сам на крючок лезет. А потом ударенную репу чешет.

– Влад, тебя хоть сейчас в Думу сажай – голова золотая, ни одной шишки! И льготами, кстати говоря, там обзаведёшься, – друзья, докурив, скрываются в метро.

«Стоять до победы! Стоять до победы!» – время от времени скандируют чегеваровцы. А дождь, серый, всё сыплет с неба. Медленно тянутся минуты. Холодно. У всех манифестантов мокрые плечи. А лидер чегеваровцев совсем замёрз – притопывает в тесноте, что-то говорит синими губами. Ясно, что милиция никуда их не пустит. Уже и сочувствующие старики устали петь, клубятся вокруг кругами, отходят погреться в вестибюль метро, в кассы вокзала. Везде – усиленные наряды милиции.

– Вот придурки! – говорит милицейский сержант товарищу. – До чего надоели! Ну поорали – и домой! Чего дожидать зря?!

– Ничего, замёрзнут – разойдутся, – добродушно замечает краснощёкий, белобрысый милиционер в новенькой форме.

– Тебе хорошо рассуждать, – злится сержант. – Ты только что подъехал, а я тут уже три часа коченею!..

Чегеваровцы по команде старшего сворачивают флаги. Молодой сводит пушистые брови к переносью. Нет, они не расходятся. Лидер громко кричит, объясняя оцеплению, что теперь, без флагов, они обычные граждане. Они имеют право идти куда угодно и как угодно. Они не хулиганят – ни у кого в руках нет даже бутылки пива или сигареты. Лидер дает слово: сегодня они больше не развернут флагов. «Пустите ребятишек, уроды!», – кричат милиции старики. «Свободу молодёжи!», «Пу-тин до-лой!», – скандируют наэлектризованные пенсионеры. Молодой поднимает и опускает в такт голосам сжатую в кулак левую руку. На тонком запястье виден белый в серую полосочку манжет рубашки и дорогие японские часы. Вряд ли эта рука держала в своей жизни что-нибудь тяжелее книжки или мобильного телефона... ОМОН недвижим.

– Он такой же серый, ваш президент, как и ваши мундиры. Серый человек, – объясняет мужичок в замурзанной шапке милиционеру из оцепления. – А вы ему служите!

Милиционер молчит, только морщится от этих слов, как от гастритной боли.

Текут минуты – под серым холодным дождём. Чегеваровцы не расходятся, а ОМОН не даёт им воли двинуться по тротуару. Из-за чего упрямятся эти молодые?! Как хорошо сейчас дома, в тепле, с чашкой янтарного чая, наедине с умной книжкой или вместе с друзьями в сетях интернета!.. Или с любимой девушкой – такой мягкой и нежной – тоже где-нибудь в тепле, в кофейне или кинотеатре. Да и просто в вагоне метро – по дороге домой – как хорошо ехать в шумной компании, с чувством выполненного долга, с легкой эйфорией от противостояния «мусорам». Неужели эти мальчишки не хотят быть богатыми, не хотят кататься в огромных белых лимузинах (на свадьбе) или в дорогих иномарках (каждый день)? Неужели им неохота в будущем гульнуть в казино или оторваться на Канарах?! Неужели стояние среди неизвестных стариков и старух дороже им благополучного завтра, дороже родительских переживаний сегодня?!

В конце концов, они лично никаких льгот не теряли. С ними, будущими хозяевами и слугами (это уж кому как повезёт), пока всё в порядке.

Стоят, мёрзнут. И вроде даже не собираются расходиться. Сбитая группа – «нам не жить друг без друга». Ядро – дети-чегеваровцы; оболочка – отцы-милиция; культурный предкладбищенский слой – деды-пенсионеры, и, наконец, сфера-атмосфера – ОМОН. Планета Земля...

А жизнь продолжается. С вокзала к метро спешит народ: «Кто митингует?» «Да ненормальные какие-то!» «А чё требуют?» – «Хто его знает, им лишь бы не работать!», – обменялись информацией приезжие старушки. А вот три парнишки – идут, увлечённо жмут на кнопки мобильных – поставили новую игру, считают очки – кто кого... «Серёга, гля, буча! – Че они тут загородили – не проехать, не пройти!.. – Секи, Серый, свободы требуют! – Ну, дибильё!..», – и дальше, так и вплывают в метро, прикованные к мобильникам...

Но не будет же это противостояние длиться вечно!.. В рядах милиции обозначилось шевеление – забубнили по рации старшие, к тротуару чёртом подлетел омовский автобус с открытыми дверцами. На асфальт вывалился толстый подполковник – отвисший живот подпирал ремень. Подполковник громко ржёт, открывая жёлтые вставные зубы: «Ну что, падлы, достоялись?! Счас бить вас будем! Приготовиться к мордобитию!»

И через какие-то доли секунды из-за автобуса на толпу вихрем налетает ОМОН, мутузя черную массу дубинками. Крик, рёв, стон, разбойничий свист!..

– Не трогайте детей!.. Не трогайте детей!.. – истерически кричит беззубая женщина, та, что пела вместе с гармонистом.

– Позор! – орёт мужик в чёрной шубе искусственного доперестроечного меха.

– Убийцы, сволочи, предатели!

А ОМОН уже выдернул из толпы седого пенсионера, скрутил его руки, пинками гонит его к дальнему автобусу, только длинный серебряный чуб мотыляется – голова низко наклонена...

– Гады! Гады! Гады! – заходятся в крике женщины. – Не трогайте детей!

Уже волокут упирающегося Молодого, косынка и шапка с него сорваны, губы – в крови.

– Сынок! – кидается к нему какая-то старушка. – Куда вы тянете его, сволочи!

– Бабушка, затопчут, бабушка, отойдите! – хватает её за рукав краснощёкий, белобрысый милиционер в новенькой форме. – Бабушка, я вас умоляю, уйдите!

А толпа – волной туда-сюда – колышется на тротуаре. Долго, как в замедленной съемке, падают на асфальт с ужасным грохотом металлические барьеры. Рядом два омовца деловито колотят дубинами фотокара – он руками пытается закрыть камеру, голова у него в крови. «Что вы делаете, я – журналист!», – орёт он, будто раненый зверь.

И долгий истерический крик:

– Не трогайте детей! Не трогайте детей!..

Последним выдернули лидера чегеваровцев. Он уже в наручниках, и пытается идти, высоко подняв голову. Его не пинают, а только придерживают. Сажают в зашторенный автобус.

И сразу в три ряда сомкнулся ОМОН. За тротуаром. А у метро, сцепившись локтями, чегеваровцы и пенсионеры грозно и горько режут: «По-зор!» «По-зор!» А после: «Ми-ли-ция – гес-та-по! Ми-ли-ция – гес-та-по!» Волна правой ненависти и силы катится на ОМОН.

Маленькая старушонка в коричневой мужской шапке подхватывает затоптанный чегеваровский флаг, и широко машет им. «По-зор!», «По-зор!», – толпа, спаянная гневом в живые цепи, медленно и грозно начинает двигаться вперёд. Наступил страшный миг: этим людям сейчас нечего терять! Их ничто не остановит, даже пуля.

И в этот самый момент ОМОН по команде отбегает за дорогу, к автобусам, а милиционер-гаишник пускает остановленный транспорт. Чёрный мерседес с мигалкой и тонированными стёклами катит через площадь, следом – поток застоявшихся в пробке машин. Обескураженная отсутствием противника толпа затихает.

Впрочем, вскоре оцепление восстанавливают, но теперь уже не из ОМОНа, а из милиции.

– Провокатор! Смотрите, в гражданской одежде, в куртке и чёрной шапочке, с ментами стоит! Он тут был! Я его видела! Это он драться полез, потом наших начали хватать! – разоряется простоволосая пенсионерка.

Действительно, у омовских автобусов вместе с милиционерами курит парень в гражданском, довольно машет руками, смеётся.

– Это он! Он! – кричит пенсионерка.

«Про-во-ка-тор! Про-во-ка-тор!», – скандируют несколько человек, указывая на гражданского пальцем. Он быстро скрывается за автобусами.

– Товарищи! – у митингующих теперь новый лидер – прыщавый невысокий парень в коричневой куртке. – Не расходитесь! Образует плотное каре! Действуем по обстоятельствам! Скандируем: «Пре-да-те-ли!»

Толпа ему вторит.

– Проклинаю! – кричит тем временем истерический мужик милиционеру оцеплению. – Я проклинаю вас, гады! Чтоб вас всех в Чечне перебили!

– Жидам продались! – вторит ему старушка, которая пыталась защитить Молодого. – Вы им служите! Как не стыдно детей хватать и бить! Детей!

– Мы никому не продались, мы приказ выполняем, – объясняет ей молодой белобрысый милиционер. – Скажут – мы уйдём, нам тоже домой охота!

– Не вы, так начальство ваше продалось!

Оцепление молчит, милиционеры отводят глаза.

Откуда ни возьмись, выкатилась средних лет, с яркой косметикой подвыпившая женщина в длинной дублёнке:

– Гребанный режим! – орёт она на всю площадь.

– Гражданочка! Не ругайтесь матом! – предупреждает её старый милиционер-прапорщик.

– А это не мат! Это – эпитет! – и она широко, как на театральной сцене, машет руками.

Омовские автобусы тем временем гуськом выезжают с площади.

– Товарищи! – взывает к толпе новый лидер чегеваровцев. – Все в метро! За мной – к милиционерскому участку! Свободу – политзаключенным!

Площадка перед метро стремительно пустеет. Милиция рассаживается по грузовикам. Три серых вокзальных бомжа выныривают из недр подземных переходов, рыщут по мусорным урнам. Небо по-прежнему серое. Серый снег с дождём всё так же замутняет окрестности. Серый голубь садится на серую голову пролетарского писателя Максима Горького. Только экран в небе со сменной рекламой – цветаст и красочен. Беззвучная

картинка вновь и вновь зовёт в игорные дома, в сверкающие Альпы, в подмосковные замки, а ещё нужно «беречь природу!», например синиц...

И с этим, вроде бы, все согласны...

2005

С сайта <http://www.rospisatel.ru/sitsheva>